Этническая идентичность и значимое социальное окружение индивида (исследование русскоязычного юношества Латвийской Республики)

О.Е. Хухлаев
кандидат психологических наук, зав. каф. этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского городского психолого-педагогического университета

Т.Э. Руссита
аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского городского психолого-педагогического университета

Статья посвящена описанию исследования взаимосвязи между этническим составом значимого социального окружения и этнической идентичностью, проведенного в 2004—2006 гг. в школах, колледжах и университетах Латвийской Республики. В нем принимали участие юноши и девушки от 15 до 21 года, родным языком которых является русский язык. Были использованы как качественные (интервью), так и количественные методы исследования (методика изучения социального атома Я.Л. Морено, контент-анализ, опрос, семантический дифференциал). В результате исследования установлено, что существует непрямая взаимосвязь между этническим составом значимого социального окружения и этнической идентичностью индивида (как когнитивным, так и аффективным ее компонентом).

Ключевые слова: этнопсихология, этническая идентичность, значимое социальное окружение, этнодифференцирующие признаки, этничность, семантический дифференциал.

Введение

В настоящее время в мировой науке не существует единого понимания феномена этнической идентичности. Общеизвестны три подхода: конструктивизм, примордиализм и инструментализм. Также присутствует множество промежуточных концепций, синтезированных на основе идей конструктивистов, инструменталистов и примордиалистов, не говоря уже о том, что даже у авторов, придерживающихся одних взглядов, можно найти существенные различия в деталях.

Предполагая, что совершенно удовлетворительного подхода к изучению этничности еще не найдено, мы будем пользоваться объединяющей в себе принципы различных подходов концепцией Т.Г. Стефаненко. В ее рамках для психолога важны не различия между интерпретациями этноса, а то общее, что есть во всех подходах. Это представление о том, что этнос является для индивидов психологической общностью, а этническая идентичность представляет собой одну из (или даже единственную) психологических характеристик этнической группы [6]. Т.Г. Стефаненко считает этническую идентичность частью социальной идентичности личности. Когнитивный компонент этнической идентичности включает в себя знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя как ее члена на основе определенных характеристик. Такие знания, представления и осознания принято называть этнодифференцирующими признаками. В качестве этнодифференцирующих, т. е. отличающих данный этнос от всех других признаков могут выступать самые разные характеристики: язык, ценности и нормы, историческая память, религия, представления о родной земле, миф об общих предках, национальный характер, народное и профессиональное искусство [6]. Самоназвание изучаемой группы в рамках представления о себе также относится к когнитивному компоненту. Результаты большинства эмпирических исследований свидетельствуют, что способность назвать группу, к которой принадлежишь, напрямую связана с этнической осведомленностью.

Аффективный компонент этнической идентичности подразумевает эмоциональное отношение к этнодифференцирующим признакам и включает в себя оценку качеств собственной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства. К аффективному компоненту относятся такие характеристики этнической идентичности, как определенность и валентность.

Валентность мы понимаем как знак эмоциональной окрашенности аффективного компонента, т. е. валентность этнической идентичности может быть позитивной или негативной [8]. Еще Э. Эриксон выделял в структуре идентичности позитивные и негативные элементы, а понятие валентности применительно к идентичности впервые употребил К. Левин [3].

Определенность этнической идентичности, иначе называемая многими авторами «выпуклостью» (англ. «salience»), также является одним из традиционно рассматриваемых в теоретических и практических работах параметров [9, 10]. Определенность — это, в первую очередь, степень ясности осознания себя представителем этнической группы, степень полноты знаний, представлений о культурных и психологических особенностях собственной группы [8].

Однако, несмотря на определенную теоретическую проработанность (конечно, в сочетании с многозначностью) термина «этническая идентичность» в социальной психологии, на периферии психологической теории и практики остается тематика взаимосвязи этнической идентичности и социального окружения индивида. При этом нельзя не отметить, что с позиций социальной психологии этническая идентичность изучается не как внутриличностный, а как интерсубъектный феномен, что предусматривает необходимость исследования этничности вне отрыва от социального контекста, одной из важнейших составляющих которого является значимое социальное окружение.

Это и послужило причиной фокусировки внимания авторов на изучении взаимосвязи этнического состава значимого социального окружения и структуры этнической идентичности индивида, ее когнитивного и аффективного компонентов, проводимого на материале исследования русскоязычного юношества Латвийской Республики. Соответственно, в фокусе данного исследования — взаимосвязь этнической идентичности и этнического состава значимого социального окружения русскоязычного юношества в Латвии.

Авторы предполагают, что существует взаимосвязь между этническим составом значимого социального окружения и этнической идентичностью индивида: как когнитивным, так и аффективным ее компонентом. Однако характер этой взаимосвязи далеко не обязательно должен носить прямой характер.

Важным вопросом является установление сходства и отличий в этнической идентичности юношей и девушек с разным числом представителей аутгруппы в значимом социальном окружении. Авторы предполагают, что этническая идентичность юношей и девушек с небольшим (< 25 %) числом представителей аутгруппы в значимом социальном окружении обладает существенными особенностями в силу того, что данная группа является «посреднической», сохраняя при этом свою базовую идентичность. Вполне вероятно, что этничность у представителей данной группы будет более позитивно эмоционально окрашена, чем идентичность русскоязычных с меньшим или с большим числом латышей (представителей аутгруппы) в значимом социальном окружении.

Метод

Далее перейдем непосредственно к описанию исследования, которое проходило в два этапа. На первом этапе использовался ряд качественных методик: полуструктурированных исследовательских интервью и фокус-групп с респондентами юношеского возраста. В исследовании приняли участие 88 человек. Родным языком все без исключения респонденты признали русский и к классификации себя в качестве русскоязычных отнеслись одобрительно. Возраст респондентов находился в диапазоне от 15 лет до 21 года, что в соответствии с возрастной периодизацией, предложенной генеральной ассамблеей ООН, соответствует юношескому возрасту (40 человек, или 45,5 % выборки, составили юноши, 48 человек, или 54,5 % — девушки).

Исследование проводилось в 2004—2006 гг. в школах, колледжах и университетах Латвийской Республики, в учреждениях с преподаванием преимущественно на русском языке обучались 39 человек (44,4 %), с преподаванием на латышском языке — 49 человек (55,6 %). Интервью дали учащиеся 25 школ, 3 колледжей и 4 вузов Риги.

Все респонденты были распределены по группам в зависимости от этнического состава их значимого социального окружения, которое мы определяли с помощью методики социального атома Я.Л. Морено [2] и в ходе интервью. В результате были образованы три группы:

1) русскоязычные юноши и девушки с русским значимым социальным окружением;

2) русскоязычные юноши и девушки с социальным окружением, число латышей в котором составляет менее 25 %;

3) русскоязычные юноши и девушки с социальным окружением, число латышей в котором составляет 25 % и более.

Следующей целью качественного этапа исследования было формулирование вопросов для опросника когнитивного компонента этнической идентичности и формирование содержательной части методики семантического дифференциала, однако полученный в ходе решения этих задач материал представляет и самостоятельную ценность.

С помощью контент-анализа мы анализировали частоту встречаемости в интервью респондентов высказываний, относящихся к самоназванию, этнодифференцирующим признакам, а также любых высказываний, имеющих выраженную эмоциональную окраску.

На основании материалов первого этапа был составлен инструментарий для второй, количественной части исследования. На этом этапе мы использовали опросник для выявления структуры когнитивного компонента этнической идентичности респондентов и авторскую модификацию методики семантического дифференциала. В количественной части исследования принял участие 71 человек. В основном выборка пересекалась с первоначальной (на которой проводилась качественная часть исследования), но были и некоторые различия. Математическая обработка результатов исследования проводилась с помощью компьютерной интегрированной системы обработки данных SPSS 11.50, встроенных статистических средств MS Office 2000 (программы Excel).

Для опросника по когнитивному компоненту этнической идентичности среди упоминавшихся этнодифференцирующих признаков нами были отобраны те, которые встречались в дискурсе респондентов

наиболее часто. Расположенные по частоте упоминания, они представляют собой следующую картину.

1. Язык.
2. Культура (включающая в себя, в том числе, знания об истории, традициях русского народа).
3. Особенности характера, темперамент.
4. «Менталитет» (широкое понятие, включающее в себя главным образом особенности мышления и духовность).
5. Эмоциональная связь с Россией.
6. Происхождение.
7. Специфическое воспитание.
8. Особенности поведения.
9. Ощущение себя русским.
10. Внешние признаки, по которым можно отличить русских (главным образом — стиль одежды и черты лица).
11. Общее представление об историческом прошлом, чувство общности с территорией и населением бывшего СССР.

Также анализировались выбираемые респондентами самоназвания.

Составленный на этом материале ***опросник по когнитивному компоненту этнической идентичности*** принципиально был разделен на две части. Первая позволяет делать выводы о самоназвании (самоназваниях) группы респондентов, а вторая — о приемлемости и значимости различных этнодифференцирующих признаков.

Результаты и обсуждение

При анализе выборов наиболее актуальной идентичности (вопрос: «Принадлежность к какой из перечисленных групп Вы считаете для себя самой важной?») на количественном этапе исследования в целом по выборке нами были получены следующие результаты:

наибольшее число респондентов (14 человек, или 19,7 %) считают самой актуальной для себя принадлежность к этнической группе русских. Следующая по числу выборов (11, или 15,5 %) актуальная идентичность — «люди мира». Термин не очевиден и специально не пояснялся, но в ходе интервью звучал, и респонденты объясняли свою принадлежность к этой группе как *возможность в любой точке мира чувствовать себя своим, чувствовать себя как дома, вообще не думать о своей национальности*.

При сравнении групп с различным этническим окружением были обнаружены определенные различия: например, к «европейцам» себя скорее склонны причислять юноши из группы с большим числом латышей в значимом социальном окружении и у кого их нет. К «славянам», наоборот, скорее склонны причислять себя респонденты из группы с небольшим (менее 25 %) числом представителей аутгруппы в значимом социальном окружении. Представители группы респондентов, включивших в социальный атом значительное число латышей, более, чем остальная молодежь, склонны относить себя к «латышам».

Детальнее результаты отражены на рис. 1 (звездочками отмечены значимые различия).

Что касается этнодифференцирующих признаков, практически никаких значимых различий между выборами трех групп нам обнаружить не удалось. Единственное исключение — значение внешних различий. Этому признаку респонденты, в социальном окружении которых ≥ 25 % представителей аутгруппы, придают гораздо большее значение, чем их сверстники из более русской социальной среды. Некоторые исследователи считают, что акцентуация антропологических аспектов внешности как этнодифференцирующих признаков является показателем присутствия напряжения в области межэтнических отношений, актуальности поиска различий между доминирующей группой и меньшинством.

Далее представим результаты изучения ***когнитивного компонента этнической идентичности с помощью методики семантического дифференциала.***

Методика представляет собой список высказываний (в нашем случае — список эмоционально окрашенных высказываний, взятых из текстов интервью и фокус-групповых дискуссий с респондентами), каж-

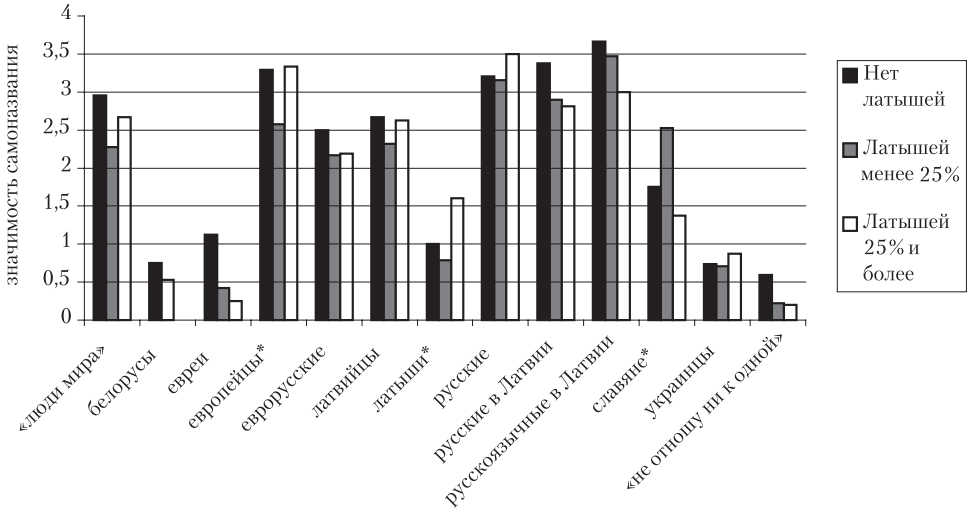

Рис. 1. Оценка принадлежности к разным этническим группам респондентами с различным этническим составом значимого социального окружения

дое из которых предлагается оценить по симметричной шкале с характеристиками этих высказываний. Далее полученные данные обрабатываются: с помощью факторного анализа выделяются факторы (имеющие два полюса) и оценивается их выраженность в ответах респондентов разных групп. Традиционно считается, что само смысловое содержание факторов не имееет существенного значения — большее внимание уделяется анализу взаиморасположения исследуемых феноменов в семантическом пространстве респондентов. В данном случае выделенные факторы можно было обозначить через полюса: «правильность, верность — несоответствие действительности», обозначенные нами как фактор 1, и «стереотипность, избитость — нестереотипность, необычность» (фактор 2). Далее, для того чтобы не отвлекать читателя малозначимой информацией, на соответствующих рисунках данные факторы обозначены только номерами.

Когнитивные результаты семантического дифференциала (рис. 2—4) являются вспомогательными и вызывают интерес в первую очередь в плане сравнения с декларируемым содержанием когнитивного компонента, изученным посредством интервью и опросных методов.

На рис. 2—4 отображены системы координат, с помощью которых представлены семантические пространства разных групп респондентов. Представим наиболее важные результаты их сравнения.

По результатам корреляционного анализа можно судить о том, что для юношей и девушек из группы с исключительно русским значимым окружением высказывания «Богатый русский язык» и «Русские в Латвии тесно связаны с Россией» имеют тесную связь, чего не наблюдается у остальных респондентов. Можно предположить, что представление о символизации «русским языком» контакта с Россией объясняется наличием/отсутствием латышей в значимом социальном окружении.

При этом у респондентов, в значимом социальном окружении которых нет латышей, отсутствует связь между группой когниций, которую условно можно назвать «русские язык и культура» и концептом «некоторые русские плохо отзываются о латышах», в то время как у респондентов двух других групп эта связь существует. Сравнивая это отличие с описанным выше, можно заметить, что в зависимости от состава значимого окружения «русский язык» оказывается связан то с «контактом с Россией» (группа респондентов, в значимом социальном окружении которых нет латышей), то с представлением о «плохом отношении русских к латышам» (есть латыши в значимом окружении).

Также представляется важным, что для респондентов с 25 и более процентами латышей в значимом социальном окружении существует зависимость между «языком и культурой» и концептом «Русские — целеустремленные люди». В интервью и на фокус-группах тема целеустремленности русских звучала именно у тех респондентов, в социальном окружении которых было большое число латышей. Респонденты поясняли это тем, что, по их мнению, русским приходится преодолевать всевозможные трудности на пути к образованию и карьерному росту и, естественно, проявлять целеустремленность.

Таким образом, можно сделать вывод, что как на декларируемом уровне, так и уровне денотативных личностных смыслов существует взаимосвязь между составом значимого социального окружения и когнитивным компонентом этнической идентичности. При этом данная связь не является прямой — различия тесно связаны со спецификой каждой группы и не наблюдаются на уровне корреляции в целом по выборке.

Аффективный компонент этнической идентичности респондентов мы анализировали на основе результатов методики семантического дифференциала.

В первую очередь было обращено внимание на сравнительную оценку (по группам) уровня пози-

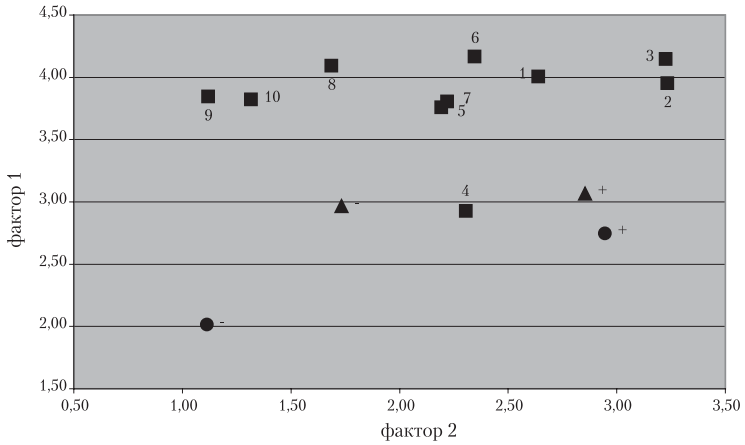

Рис. 2. Семантическое пространство респондентов, в значимом социальном окружении которых нет представителей аутгруппы

Номерами обозначены оцениваемые высказывания: 1 — «Русские — открытые, общительные, простые люди»; 2 — «Богатая культура русского народа»; 3 — «Богатый русский язык»; 4 — «Русские — целеустремленные люди»; 5 — «Русские в Латвии тесно связаны с Россией»; 6 — «В Латвии проводится неправильная политика по отношению к русским; 7 — «Некоторые русские плохо отзываются о латышах»; 8 — «Латыши говорят: "Опять эти русские!"»; 9 — «Русские своим поведением часто мешают окружающим»; 10 — «Русские ленивые, во всем полагаются на "авось"!»

Кружочками обозначены реперные точки (обозначения выраженно положительных и отрицательных высказываний), а треугольниками — «положительное» и «отрицательное» изображения.

Объяснение содержания факторов приведено в тексте.

тивности/негативности высказываний, связанных с этничностью. Исходя из методической организации исследования, расстояние от анализируемого высказывания до соответствующей реперной точки отражает отношение респондента к высказыванию, т. е. знак этого отношения и уровень его эмоциональной «позитивности» или «негативности».

На рис. 5 отображены расстояния в семантическом пространстве респондентов от точек, обозначающих высказывания-маркеры этнической идентичности, до негативной реперной точки (высказывание «Я оказался голым в людном месте», которое, по оценкам экспертов, отражает стыд и вообще крайне негативные эмоции). При сравнении данных по трем анализируемым группам с этнически различным значимым социальным окружением мы можем сделать некоторые выводы.

Юноши и девушки с большим числом латышей в значимом социальном окружении в целом более негативно воспринимают высказывания-маркеры этнической идентичности. Соответственно, можно предположить, что у этих респондентов существенно бóльшая «негативность» эмоционального переживания своей этничности. Это переживание, судя по данным интервью, не проявляется в повседневном дискурсе и, следовательно, является скорее глубинным ощущением.

Наиболее яркие различия по данному направлению связаны с двумя высказываниями-концептами: «Латыши говорят: “Опять эти русские!”» и «Богатый русский язык». Вероятно, юноши, находящиеся в значимых отношениях с большим числом латышей, острее переживают свою инакость, непохожесть, тяжелее воспринимают конфликтные моменты во взаимоотношениях этнических групп и гораздо чаще, чем респонденты из других групп, слышат негативные высказывания в адрес своей этнической группы. «Богатый русский язык», являясь для респондентов с большим числом латышей в значимом социальном окружении, наиболее «приятным» концептом из всех, ими все же воспринимается менее позитивно, чем представителями других групп.

Однако статистически достоверные различия ($p \leq 0{,}05$) по указанным параметрам мы можем наблюдать только у юношей и девушек с небольшим числом латышей в значимом социальном окружении. Это говорит о том, что респонденты, не имеющие в значимом социальном окружении представителей аутгруппы, несмотря на визуально наблюдаемую тенденцию более позитивно оценивать упомянутые высказывания (см. рис. 5.), чем те респонденты, у которых в значимом социальном окружении 25 и более процентов латышей, оказываются все же

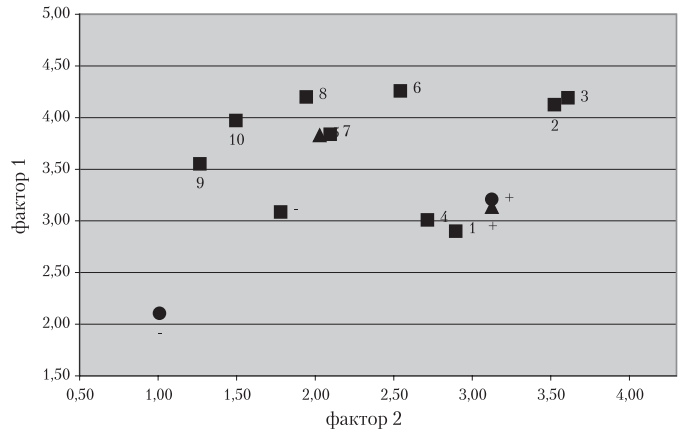

Рис. 3. Семантическое пространство респондентов, у которых в значимом социальном окружении менее 25 % представителей аутгруппы

Условные обозначения те же, что и на рис. 2.

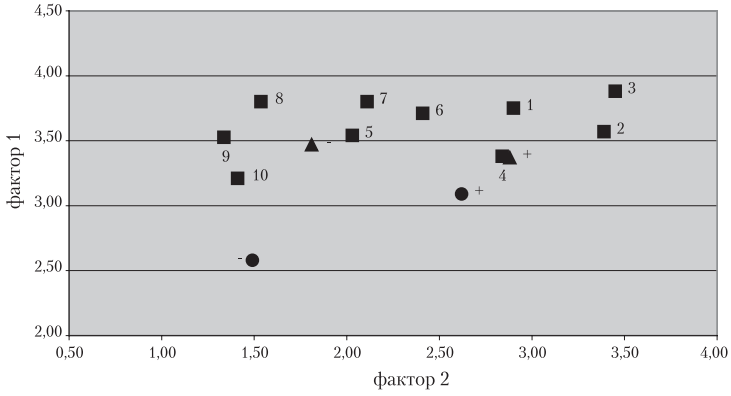

Рис. 4. Семантическое пространство респондентов, у которых в значимом социальном окружении 25 и более процентов представителей аутгруппы

Условные обозначения те же, что и на рис. 2, 3.

ближе к ним, чем к «промежуточной» группе респондентов — тем, у кого латышей менее 25 %.

Проанализировав расстояния от концептов до позитивной реперной точки, мы также обнаружили различия (рис. 6).

В целом визуально у респондентов из группы с «латышским» значимым социальным окружением (≥ 25 % представителей аутгруппы) «позитивные» высказывания больше связаны с положительными переживаниями, чем у остальных юношей и девушек. Статистически достоверные различия здесь мы наблюдаем по концептам «Русские открытые, общительные, простые люди» и «Богатый русский язык» ($p \le 0,05$).

Сравнивая данные результаты с вышеизложенными (см. анализ данных, приведенных на рис. 5), мы можем заметить, что они в некотором роде противоречат друг другу. Респонденты с большим числом представителей аутгруппы в значимом социальном окружении, с одной стороны, более негативно относятся к высказываниям-маркерам этнической идентичности, а с другой — более позитивно. На наш взгляд, это может объясняться значительно большей, чем у остальных, интенсивностью и амбивалентностью переживания этнической идентичности. Получается, что близко (на личностном уровне) общающийся с латышами русский более остро переживает и позитивные, и негативные моменты, связанные с этничностью.

Далее мы провели анализ различий по введенному нами аналитическому критерию, названному «валентность этнической идентичности». Он был получен путем расчета отношения суммы расстояний от концептов до позитивных реперных точек к сумме расстояний от концептов до негативных реперных точек по каждому респонденту.

У большинства респондентов (73,24 %) сумма расстояний до негативных реперных точек превышает сумму расстояний до позитивных, что, вероятно, может свидетельствовать о том, что аффективный компонент этнической идентичности в целом по выборке имеет позитивную тенденцию.

Наиболее выражена позитивная валентность этнической идентичности у юношей и девушек, в значимом социальном окружении которых есть представители аутгруппы, но их менее 25 % ($p \le 0,05$), вообще не имеющие в значимом социальном окружении латышей респонденты занимают промежуточную позицию, а этническая идентичность юношей и девушек, более тесно общающихся с латышами (≥ 25 % в значимом социальном окружении), наименее позитивна.

Таким образом, можно заключить, что этнический состав значимого социального окружения связан с валентностью этнической идентичности. Однако взаимосвязь «число представителей аутгруппы — валентность этнической идентичности» носит непрямой характер.

Можно предположить, что «умеренно близкое» общение с представителями аутгруппы до определенного момента позитивно связано с этнической идентичностью. При повышении в составе значимого социального окружения представителей аутгруппы начинается обратный процесс — идентичность приобретает более негативную «окраску».

Однако возникает вопрос о первичности одного из этих факторов. Данная проблема лежит за рамками нашего исследования, поэтому мы можем высказать лишь гипотезу, что умеренная интеграция привносит положительные изменения в осознание себя представителем своего народа, в то время как ассимиляция действует на него неблагоприятно.

Таким образом, данные эмпирического исследования позволяют сделать вывод, что существует непрямая взаимосвязь между этнической идентичностью и этническим составом значимого социального окружения юношества в поликультурной среде.

Выводы

По результатам проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

1. Существует взаимосвязь между этническим составом значимого социального окружения респон-

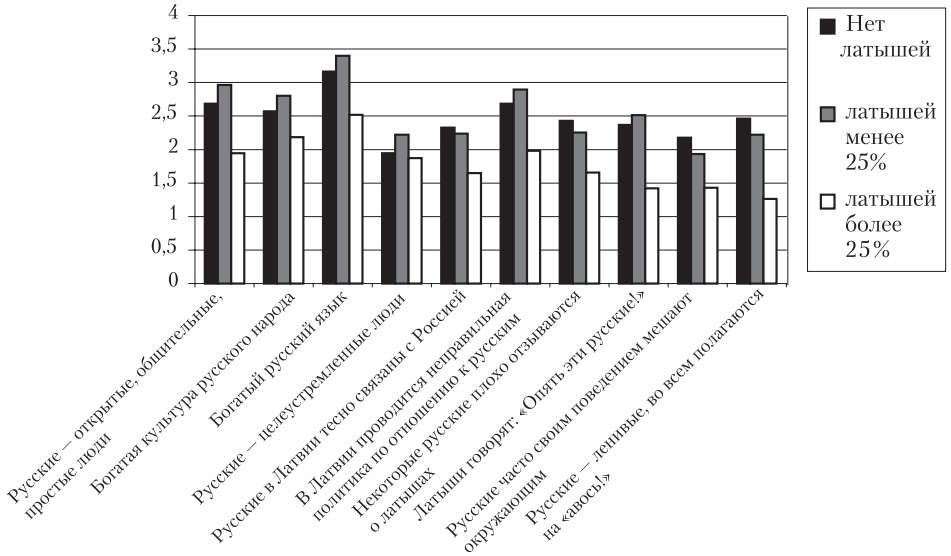

Рис. 5. Расстояния от «этнических» высказываний до негативной реперной точки (негативная валентность этнической идентичности)

дентов и когнитивным компонентом их этнической идентичности. В частности, обнаружены *взаимосвязи между этническим составом значимого социального окружения респондентов и*

— *выбором ими самоназвания*. Присутствие в значимом социальном окружении значительного числа представителей аутгруппы (в нашем случае — латышей) влияет на частоту выбора самоназвания, позволяющего причислять себя к аутгруппе. К «европейцам» себя скорее склонны причислять юноши и девушки из группы с большим числом латышей в значимом социальном окружении и те, у кого их нет. К «славянам», наоборот, в большей степени относят себя респонденты из группы с небольшим (менее 25 %) числом представителей аутгруппы в значимом социальном окружении;

— *оценкой отдельных этнодифференцирующих признаков*. Для респондентов с большим числом представителей аутгруппы (латышей) в значимом социальном окружении более важными оказываются примордиальные признаки, такие, как внешность;

— *особенностями личностных смыслов когнитивных концептов*. Для юношей и девушек из группы с исключительно русским значимым окружением высказывания «Богатый русский язык» и «Русские в Латвии тесно связаны с Россией» имеют тесную связь. При этом у данных респондентов отсутствует связь между группой когниций, которую условно можно назвать «русские язык и культура» и концептом «некоторые русские плохо отзываются о латышах», в то время как у респондентов двух других групп эта связь присутствует.

Для респондентов, доля латышей в значимом социальном окружении которых составляет 25 % и более, существует зависимость между «языком и культурой» и концептом «Русские — целеустремленные люди».

2. Наблюдается непрямая взаимосвязь между этническим составом значимого социального окружения респондентов и аффективным компонентом их этнической идентичности. В частности, обнаружены *взаимосвязи между этническим составом значимого социального окружения респондентов и*

— *эмоциональной оценкой высказываний-маркеров этнической идентичности*.

С одной стороны, юноши и девушки с большим числом латышей в значимом социальном окружении в целом более негативно воспринимают данные концепты. Наиболее яркие различия по данному направлению связаны с двумя высказываниями: «Латыши говорят: “Опять эти русские!”» и «Богатый русский язык».

С другой стороны, у респондентов из группы с «латышским» значимым социальным окружением (≥ 25 %) некоторые высказывания больше связаны с позитивными переживаниями, чем у остальных юношей и девушек. Статистически достоверные различия наблюдаются по концептам «Русские — открытые, общительные, простые люди» и «Богатый русский язык». На наш взгляд, данное противоречие может объясняться большей, чем у остальных респондентов (не имеющих столько латышей в значимом социальном окружении), интенсивностью и амбивалентностью переживания этнической идентичности. Можно предположить, что близко (на личностном уровне) общающийся с латышами русский более остро переживает и позитивные и негативные моменты, связанные с этничностью;

— *валентностью этнической идентичности*. Так, наиболее выражена позитивная валентность этнической идентичности у юношей, отметивших в значимом социальном окружении до 25 % латышей ($p \leq 0{,}05$). Респонденты, вообще не имеющие в значимом социальном окружении латышей, занимают промежуточную позицию, а этническая идентичность тех, кто более тесно общается с латышами (≥ 25 % в значимом социальном окружении), наименее позитивна.

Итак, этнический состав значимого социального окружения связан с валентностью этнической идентичности. Данная взаимосвязь носит непрямой характер. Можно высказать предположение о том, что «умеренно близкое» общение с представителями аутгруппы до определенного момента связано с позитивностью этнической идентичности. При повышении в составе значимого социального окружения числа представителей аутгруппы начинается обратный процесс — идентичность становится более негативной.

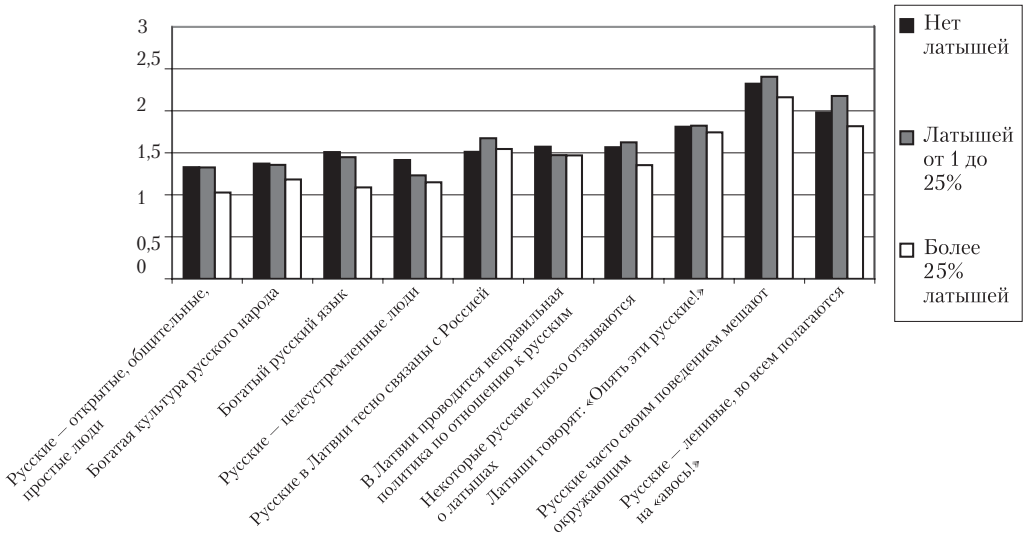

Рис. 6. Расстояния от «этнических» высказываний до позитивной реперной точки (позитивная валентность этнической идентичности)

Литература

1. *Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г.* Этническая социализация подростка. М.; Воронеж, 2000.
2. *Морено Я.Л.* Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе / пер. с англ. М.: Академический проект, 2004.
3. *Павленко В.Н., Таглин С.А.* Общая и прикладная этнопсихология: учеб. пособие. М., 2005.
4. *Романова О.Л.* Развитие этнической идентичности у детей и подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1994.
5. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
6. *Стефаненко Т.Г.* Социальная психология этнической идентичности: Дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05. М., 1999.
7. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Екатеринбург, 2000.
8. *Татарко А.Н.* Взаимосвязь этнической идентичности и психологических стратегий межкультурного взаимодействия: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
9. *Brewer M.B., Miller N.* Beyond the contact hypothesis: Theoretical perspectives of desegregation // Miller N., Brewer M.B. (Eds.) Group in contact: The Psychology of desegregation. N.Y., 1984.
10. *Brown R.* Group processes (2nd ed.) Oxford, UK: Blackwell Publishers, 2000.
11. *Dribins L.* (red.) Nacionalas un etniskas grupas Latvija. Informativs materials. Riga: LR Tieslietu ministrija, 1996.
12. *Vebers E.* Latvijas valsts un etniskas minoritates. Riga: LZA Filozofijas un sociologijas instituta Etnisko petijumu centrs, 1997.
13. *Volkovs A.* Krievi // Mazakumtautibu vesture Latvija. Eksperimentals metodisks lidzeklis. Riga: Zvaigzne ABC, 1998.

Ethnic Identity and Significant Social Environment: A Research on Russian-Speaking Youth in the Republic of Latvia

O.Y. Khukhlayev

Ph.D. in Psychology, head of the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Polycultural Education, Moscow State University of Psychology and Education

T.E. Russita

postgraduate student at the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Polycultural Education, Moscow State University of Psychology and Education

The paper describes a research on the correlation between the ethnic composition of one's significant social environment and his/her ethnic identity. The research was carried out in 2004—2006 in schools, colleges and universities in the Republic of Latvia. Young men and women aged 15 to 21 whose native language is Russian participated in the research. Both qualitative (interview) and quantitative (the Moreno Social Atom Test, content-analysis, inventory, semantic differential) methods were used. According to the research findings, there is an indirect correlation between the ethnic composition of the significant social environment of an individual and his/her ethnic identity (both cognitive and affective components of the latter).

Key words: ethnopsychology, ethic identity, significant social environment, ethnic differentiation characters, ethnicity, semantic differential.

References

1. *Belinskaya E.P., Stefanenko T.G.* Etnicheskaya socializaciya podrostka. M.; Voronezh, 2000.
2. *Moreno Ya.L.* Sociometriya: eksperimental'nyi metod i nauka ob obshestve / per. s angl. M., 2004.
3. *Pavlenko V.N., Taglin S.A.* Obshaya i prikladnaya etnopsihologiya: ucheb. posobie. M., 2005.
4. *Romanova O.L.* Razvitie etnicheskoi identichnosti u detei i podrostkov: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. M., 1994.
5. *Soldatova G.U.* Psihologiya mezhetnicheskoi napryazhennosti. M., 1998.
6. *Stefanenko T.G.* Social'naya psihologiya etnicheskoi identichnosti: Dis. ... d-ra psihol. nauk: 19.00.05. M., 1999.
7. *Stefanenko T.G.* Etnopsihologiya. M.; Ekaterinburg, 2000.
8. *Tatarko A.N.* Vzaimosvyaz' etnicheskoi identichnosti i psihologicheskih strategii mezhkul'turnogo vzaimodeistviya: Dis. ... kand. psihol. nauk. M., 2004.
9. *Brewer M.B., Miller N.* Beyond the contact hypothesis: Theoretical perspectives of desegregation // Miller N., Brewer M.B. (Eds.) Group in contact: The Psychology of desegregation. N.Y.: Academic Press, 1984.
10. *Brown R.* Group processes (2nd ed.) Oxford, UK: Blackwell Publishers, 2000.
11. *Dribins L.* (red.) Nacionalas un etniskas grupas Latvija. Informativs materials. Riga: LR Tieslietu ministrija, 1996.
12. *Vebers E.* Latvijas valsts un etniskas minoritates. Riga: LZA Filozofijas un sociologijas instituta Etnisko petijumu centrs, 1997.
13. *Volkovs A.* Krievi // Mazakumtautibu vesture Latvija. Eksperimentals metodisks lidzeklis. Riga: Zvaigzne ABC, 1998.